

ЧЕЛОВЕК В ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ Н. ЗАБОЛОЦКОГО

К. М. МХИТАРЯН

Николай Заболоцкий, выдающийся русский поэт XX века, в своем творчестве воскресил традиции русской философской лирики. Благодаря новаторскому их освоению вечные темы взаимоотношений человека и природы, осмысления человеческого бытия и места человека в мире обрели в его поэзии остросовременное звучание. Его поэзия воплотила дух интеллектуального поиска со всем присущим ему драматизмом, сделав его объектом лирического переживания. В его стихотворениях нет готовых ответов, но лишь мучительные раздумья о гармонии и красоте, о жизни и смерти. И потому концепции человека и природы формируются на протяжении всего его творческого пути, и, читая его стихотворения, мы можем следить за движением его мысли, которое остановилось лишь со смертью поэта.

Особый интерес представляет для нас концепция человеческой личности, сформировавшаяся в последние годы жизни поэта. Но для того, чтобы осмыслить итоговое значение творчества поэта 50-х годов, необходимо провести сопоставление с поэзией Заболоцкого ранних лет.

В стихотворении 1930 г. "Искусство" Заболоцкий дает набросок модели мира в виде лестницы, на последней ступени которой он помещает поэта. Именно благодаря поэту бытию сообщается духовность, что, по представлению Заболоцкого, является существенным признаком действительности.

Явления социальной жизни рассматриваются Заболоцким прежде всего как интеллектуальная проблема и переводятся из житейского в бытийный план. Для поэта метафизических устремлений, каким был Заболоцкий, подобный подход к социальным проблемам знаменателен. В его осмыслении они предстают очищенными от политической злободневности с ее сиюминутной актуальностью и рассматриваются как знаки более широкого временного контекста, чем современность, наполняясь вневременным, общечеловеческим содержанием.

В творчестве Заболоцкого 30-х гг. человек предстает как носитель интеллекта, духовного начала. Так, в стихотворении "Вчера, о смерти размышляя" он пишет:

**И сам я был не детище природы,
Но мысль ее! Но зыбкий ум ее!**

В духовном донорстве видит он долг человека перед природой - в высокой миссии одухотворять все сущее.

Однако концепция личности, складывавшаяся в 30-е гг., в дальнейшем претерпела изменения. Окончательное ее оформление мы видим в

¹ Все стихотворения Н. Заболоцкого приводятся по изданию: Н. Заболоцкий. Собрание сочинений в 3 томах, М., 1983.

поэтическом цикле "Последняя любовь" и ряде стихотворений, примыкающих к циклу тематически.

Для стихотворений этого ряда характерна открытость авторской позиции, сильно выраженное личное начало, о котором Гете говорил: "Но что значит все искусство таланта, если из-за пьесы не встает перед нами милая или великая личность автора - единственное, что переходит в народную культуру"².

В творчестве Заболоцкого до 40-х гг. авторское начало было или тщательно скрыто или представлено в стертном, редуцированном виде. Но в последние годы его творчества душа поэта как бы освобождается от экзистенциального холода, долгие годы сковывавшего ее. Герой этих стихотворений - это человек вообще, для которого высшей ценностью является личный идеал, а не способность к творчеству и познанию мира.

Очень характерно в этом отношении стихотворение "Старая сказка". Предназначение человека уже не кажется поэту определенно известным:

**В этом мире, где наша особа
Выполняет неясную роль,
Мы с тобою состаримся оба,
Как состарился в сказке король.**

"Мы с тобою состаримся оба" - единственное, что непреложно в жизни человека. Участью поэта автор отныне не дорожит, как тогда, в 1930 г., когда возвел его на самый верх лестницы, представляющей собой модель мира. Более того, перед лицом неизбежной смерти он готов отказаться даже от своего творчества:

**Но когда серебристые пряди
Над твоим засверкают виском,
Разорву пополам я тетради
И с последним расстанусь стихом.**

Впрочем, еще в молодые годы Заболоцкий в письме к Циолковскому признавался, что не может примириться с его концепцией личности как государства молекул, поскольку для него куда важнее личное бессмертие³. "Тоска разъединения" прорывается в самые холодные и отвлеченные стихи поэта и окрашивает их в трагические тона, неожиданные для поэзии такого типа. Сейчас же поэт как бы освобождает себя от суровой необходимости подчиниться неизбежному, и серебристые пряди в волосах его любимой потрясают его душу сильнее, чем мысли о вековой давящей. Личное начало возобладало в его творчестве, и никогда еще Заболоцкий не был так открыт для человеческих страстей, как в стихах последних лет.

В 50-е гг. Заболоцкий создает ряд стихотворений-портретов ("Жена", "Старая актриса", "Смерть врача", "В кино"), в которых некоторые исследователи видели развитие традиций демократической литературы, а точнее, некрасовской лирики, проявившееся "в особой внимательности к простому человеку"⁴. Однако Заболоцкий никогда не был поэтом каких-либо социальных групп. Человеческая личность в этих стихотворениях предстает освобожденной от каких-либо социальных ролей или готовой с легкостью от них отказаться ради общечеловеческих ценностей, в данном случае, ради личного счастья. Не связанные друг с другом сюжетом, герои этих

² "Разговоры Гете, собранные Эккерманом". СПб., 1891, ч.1, с.314.

³ См.: Н. Заболоцкий, т.3, с. 316.

⁴ А. Македонов. Н. Заболоцкий. Жизнь. Творчество. Метаморфозы. Л., 1976, с. 262.

стихотворений предстают перед нами объединенными мыслью автора об уникальности человеческой личности и судьбы. Нравственная проблематика в произведениях 50-х гг. занимает доминирующее положение. Очень характерно в этом отношении стихотворение "Бегство в Египет".

"Бегство в Египет" - единственное из известных нам стихотворений Заболоцкого на евангельский сюжет. Импликация смысла известного предания здесь не прямая, а усложненная. Египет - это страна, где прошло детство Иисуса Христа и где он был счастлив. Название как бы готовит нас к чтению стихотворения на тему кратковременности счастья. Оказавшись в поле экспрессивного притяжения мифа, безусловный драматизм нравственной коллизии, заключающийся в извечном стремлении человека к счастью и невозможности его осуществления, достигает особой остроты.

Однако усиление выразительного начала не единственное следствие обращения к евангельскому сюжету. Обогащенная мощной традицией переживания древнего поэтического предания, описываемая в сюжете коллизия обретает универсальный характер.

Ангел, дней моих хранитель,
С лампой в комнате сидел.
Он хранил мою обитель,
Где лежал я и болел.

Обессиленный недугом,
От товарищей вдали,
Я дремал. И друг за другом
Предо мной виденья шли.

Так начинается это стихотворение. Исследователь творчества поэта И. Ростовцева, говоря о главном для понимания существа поэзии Заболоцкого, пишет: "Это главное - напряженность духовных исканий, глубина и красота художественной мысли. Причем "глубина" здесь - не расхожее слово, которое применяют подчас к большим (и не большим) поэтам, но определенный знак эстетической системы Заболоцкого, который он подает нам. Вещи и явления, предметы внешнего мира залегают у него, как правило, на *глубине*"⁵. В подтверждение своей мысли Ростовцева приводит примеры из стихотворений "Лесное озеро", "Урал", "Вечер на Оке".

В приведенном отрывке нет ни одного слова, которое выражало бы понятие глубины. Однако ощущение затаенного смысла не оставляет нас, и, несмотря на кажущуюся бесстрастность речи, мы испытываем эмоциональное напряжение, которое достигается автором лишь посредством чередования слов высокого и нейтрального стиля. Экспрессия, казалось бы, совершенно снята, поэт смотрит на эту сцену "голыми глазами"⁶, словно следуя заветам своей обэриутской юности, ограничиваясь названием действий и состояний. По существу, "голое слово" у Заболоцкого из всех присущих слову функций выполняет лишь назывную. Но присутствие ангела, который хранит обитель больного, и сбой ритма в чередовании слов высокого и нейтрального стиля подготавливают читателя к дальнейшему драматическому развитию сюжета.

⁵ И. Ростовцева. Николай Заболоцкий. М., 1976, с. 4.

⁶ Поэзия обэриутов. — Н. Заболоцкий, указ.соч., т. I, с. 523. (Обэриу — Объединение реального искусства — группа представляющая одно из направлений русского авангарда. Образована в 1926 г.. В ее состав входили поэты Д. Хармс, Н. Заболоцкий, А. Введенский, художники К. Малевич, П. Филонов и др.).

В стихотворении используется и такой известный прием, как сновидение. Сюжет раскрывается как сновидение и пробуждение ото сна. Однако в сновидении героя происходит подмена образа Иисуса Христа образом героя. Сам герой жил в Египте, спасаясь от преследователей, именно он был здесь счастлив и безмятежен. Вернувшись в Иудею, он видит "тень распятого в горах". Таким образом, лирический герой во сне переживает то, что было с Христом в Египте, однако отождествления с ним не происходит, ибо он возвращается на родину после казни Христа и видит его распятым.

Еще в 1946 г., почти за десять лет до написания "Бегства в Египет" (1955), поэт использовал этот прием в стихотворении "В этой роще березовой". А.Македонов в своем анализе этого стихотворения доказывает, что благодаря этому приему поэту удалось добиться особой силы кульминации: "Сила кульминации создается поразительно найденным приемом изображения: человек смотрит на себя как бы со стороны, через время и пространство, даже после своей смерти, рассказывает о себе как очевидец и вместе с тем участник"⁷.

Этот прием необходим Заболоцкому для создания впечатления присутствия героя в разных временах. Только таким образом можно постичь масштаб трагедии и дать ей адекватную нравственную оценку. "Человек видит свою будущую смерть, более того - и это особенно страшно - видит себя и мир после своей смерти"⁸, - пишет А. Македонов. По сути, это образ идеального свидетеля; значение события, в котором он участвовал, открылось ему с наибольшей полнотой, соответствующей степени его участия, и цена его - жизнь. Полнота его знания о происходящем абсолютна, он знает все, включая смерть и то, что произойдет после его смерти.

Начинается сон героя с картин мирной жизни, полной первозданной прелести и маленьких человеческих радостей в духе пасторальной идиллии. Младенцем его привозят в Египет, спасая от преследований, и здесь он обретает мир и покой:

Снилось мне, что я младенцем
В белой капсуле пелен
Иудейским поселенцем
Был в Египет привезен.

Перед Иродовой бандой
Трепетали мы, но тут
В белом домике с верандой
Обрели себе уют.

Незатейливая и чистая жизнь простых людей протекает в гармоническом слиянии с миром природы.

В следующих строфах сюжет выходит за рамки описания семейной идиллии. Герой оказывается вне домашнего пространства, окружают его не домочадцы, а "духи, ангелы и дети":

Часто я в тени у сфинкса
Отдыхал, и светлый Нил,
Словно выпуклая линза,
Отражал лучи светил...

⁷ А. Македонов, указ.соч., с.232.

⁸ Там же.

Здесь образ сфинкса выполняет ту же роль, что и образ ангела в начале стихотворения: он охраняет младенца. Кроме того, в строфе заметно движение от тени к свету. Эпитет "светлый" и соотносящийся с ним образ линзы в сравнении "словно выпуклая линза" (поскольку линза - оптическое стекло, преломляющее свет) и, наконец, вся последняя строка, где все три слова обозначают или источник света, или же явления, связанные с ним, создает картину нарастания светового потока. Свет заливает мир героя. И здесь мы подходим к кульминации стихотворения:

**И в неясном этом свете,
В этом радужном огне
Духи, ангелы и дети
На свирелях пели мне.**

Мощное нарастание света, представляющее кульминацию стихотворения, достигнув предела, вдруг сменяется мраком. В последующих строках картина резко меняется, свет гаснет, образ прекрасного мира исчезает, вместо чувства блаженства и ликования приходят тревога и страх. Герой внезапно оказывается на родине, в Иудее, являющей собой зловещую картину:

**...И простерла Иудея
Перед нами образ свой -**

**Нищету свою и злобу,
Нетерпимость, рабский страх,
Где ложилась на трущобу
Тень распятого в горах...**

Мир, увиденный героем во сне, делится на две части: мир добра и света и мир мрака и зла. Причем первый ассоциируется с чужбиной, а второй - с родиной.

В творчестве Заболоцкого образ родины возникает лишь дважды: в рассматриваемом стихотворении и в написанном три года спустя "У гробницы Данте". В обоих стихотворениях образ родины вводится иносказательно, через речь персонажей. В первом родиной названа Иудея - страна, где родился приснившийся герою персонаж, во втором - Флоренция, родина Данте. В обоих случаях родина для персонажей была землей страдания, с нею связаны тяжелые переживания. Так, с образом Иудеи ассоциируется нищета, злоба и, наконец, страх смерти, а с Флоренцией - предательство. Данте называет ее мачехой, обвиняет ее в измене. При всем этом для читателя очевидно страстное, неудержимое стремление жить на родине, обреченность на любовь к ней, жажда быть признанным ею. Ведь герой стихотворения "Бегство в Египет", чудом спасшийся от преследователей и обретший счастье в чужой стране, тем не менее возвращается на родину. Влечение к ней сильнее доводов рассудка. В сознании героев образ ее остается манящим, несмотря на ее зловещий облик. Об этом говорится и в стихотворении "У гробницы Данте":

**Над белой усыпальницей моей
Воркует голубь, сладостная птица,
Но родина и до сих пор мне снится,
И до сих пор я верен только ей.**

В обоих стихотворениях понятие родины лишено публицистического значения. Освобожденное от идеологической наполненности, оно перехо-

дит в разряд тех категорий, которые могут быть правильно интерпретированы лишь в рамках методов, используемых в аналитической психологии. Характерно, что К.-Г.Юнг, основатель этого направления, называл аналитическую философию глубинной. Занимаясь исследованием бессознательного, Юнг прояснил всю глубину тех понятий, которые в сознании человека обрели значение сакральных, трудно объяснимых, но тем не менее имеющих власть над ним. (Вспомним лермонтовское: "Но я люблю, за что, не знаю сам..."). Такого рода понятия Юнг называл архетипами. По его словам, архетип "легко распознать потому, что такой идеал легко переводится на язык аллегорий, например, родина - это мать, причем аллегория обладает немалой побудительной силой, которая исходит от символического значения идей отечества"⁹. По мысли Юнга, в этом архетипе выражена "мистическая причастность ... человека к почве, на которой он обитает и которая несет в себе лишь близкое ей по духу. Чужеродное - это беда"¹⁰. Таким образом, в своем творчестве Заболоцкий воскрешает представление о родине, "источники которого ... находятся в той сфере бессознательной мифологии, элементарные образы которой являются достоянием человечества"¹¹.

Герой стихотворения Заболоцкого оказывается один на один с миром, таящим угрозу, его одиночество абсолютно. Подобная интерпретация отношений человека с миром характерна для поэзии XX века и встречается в творчестве самых разных поэтов. Например, у Цветаевой в стихотворении "Тоска по родине". Все стихотворение представляет собой логически четкое обоснование невозможности для автора тоски по родине - тому есть много причин. И вдруг, вопреки доводам рассудка, пронзительная тоска, прорывающаяся в конце стихотворения, разрушает логическое построение:

**Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все - равно, и все - едино.
Но если по дороге - куст
Встает, особенно - рябина...**

Здесь также выражена "мистическая причастность" к родной земле, связь героя с ней нерушима, необъяснима и непреложна. "Не победит ее рассудок мой" - так в стихотворении "Родина" говорит Лермонтов о своей "странной любви" к родной стране. Как поэт с обостренным трагическим чувством жизни, Лермонтов во многом является предтечей поэтов XX века, века социальных катаклизмов, когда человек оказался в мире, погруженном в хаос. Наиболее ярким выразителем трагического мироощущения человека XX века был Александр Блок. "И отвращение к отчизне и к ней великая любовь" - в этих словах великого поэта дана формула такого отношения, когда человек не может "не впасть в отчаянье при виде того, что совершается дома" (И. Тургенев), и в то же время ощущает нерасторжимую связь с родной землей. Это любовь, приносящая страдание.

Устное народное творчество народов мира дает нам множество примеров воплощения архетипа родины. В народном сознании с понятием родины ассоциируется образ доброй матери, дающей человеку силу в борьбе со злом, будь то болезнь или смертельная опасность, исходящая от врагов. Однако рамки данной статьи не позволяют углубиться в этот во-

⁹ К.- Г. Юнг. Проблемы души нашего времени. М., 1996, с. 59.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с.56.

прос. Приведем лишь некоторые примеры интересующего нас образа. В русском фольклоре к этому ряду относятся поговорка "родные стены помогают", выражение "мать сыра земля" и др. В числе наиболее фундаментальных воплощений этого понятия, несомненно, следует назвать древнегреческий миф об Антее. Особо хочется остановиться на перекликающемся с ним армянском мифе о магической силе родной земли, который лежит в основе рассказа о судьбе армянского царя Аршака II в "Истории Армении Фавстоса Бузанда".

Царь Аршак на протяжении тридцати лет вел войну с Персией, отстаивая независимость своей страны. И хотя он неизменно оставался победителем в этой многолетней войне, ему пришлось согласиться на заключение мира, так как его войско, устав от военных походов, перестало ему повиноваться. Не веря в искренность заверений Аршака об отказе от военных действий, персидский царь Шапух, по совету кудесников, велел привезти два вьюка земли из Армении и сосуд с водой. Затем он приказал половину пола в своем шатре засыпать армянской землей и полить водой. Далее историограф рассказывает: "И он велел привести к себе армянского царя, а другим людям велел удалиться, и, взяв его за руку, прошелся с ним. И когда они, прохаживаясь по шатру, ступили на персидскую землю, он сказал: "Царь армянский Аршак, ты зачем стал мне врагом; я же тебя как сына любил, ... а ты ожесточился против меня, ...сделался мне врагом, и вот целых тридцать лет воевал со мной". Царь Аршак сказал: "Согрешил я и виновен пред тобою. ... И я - твой слуга, в руках у тебя, как хочешь, так и поступай со мною".

А царь Шапух, снова взяв его за руку и прикидываясь наивным, прогуливался с ним и повел в ту сторону, где на полу была насыпана армянская земля. Когда же Аршак подошел к этому месту и ступил на армянскую землю, то, крайне возмущившись и возгордившись, переменил тон и, заговорив, сказал: "Прочь от меня, злодей слуга, что господином стал над своими господами. Я не прошу тебе и сыновьям твоим и отомщу за предков своих". Так с утра и до вечера много раз он испытывал его, и каждый раз, когда Аршак ступал на армянскую землю, становился надменным и грозил, а когда ступал на местную землю, то выражал раскаяние"¹².

"История Армении Фавстоса Бузанда" относится к памятникам IV в. Но и по прошествии многих веков миф о могущественной силе родной земли не утратил своего значения для армянского сознания, продолжая и в наши дни волновать сердца людей. Подтверждение тому мы находим в книге Вардкеса Петросяна "Армянские эскизы". Во время своего посещения Саакянской семинарии в Бейруте он был удивлен, увидев обломок необработанного туфа на сцене зала. Оказалось, что этот камень был привезен из Армении в 1930 г. неким предприимчивым купцом и за большие деньги продан семинарии. "С того дня туф лежит на сцене. Во время торжеств оратор становится на эту плиту, как бы ощущая под ногами родину. Я не смог сдержать слез, когда мне показали камень, и теперь еще не могу думать об этом без волнения. О туфе я по разным поводам рассказывал иностранцам. Они слушали, с сомнением качали головой, не верили... А я им завидовал, - тому, что они не верили. Завидовал, но все еще долго буду странствовать с этой историей по свету, сколько проживу.

Нас, наверное, мог бы понять только Антей"¹³.

¹² "История Армении Фавстоса Бузанда". Ереван, 1953, с.129-130.

¹³ В. Петросян. Избранное. М., 1982, с. 50.

Живучесть этого представления, столь ярко переживаемого армянским сознанием, вызывает в памяти слова К. Леви-Строса о том, что "мифологическая история может быть эмоционально "трепещущей"¹⁴.

Однако, если для армянского сознания подобное истолкование образа родины остается неизменным на протяжении веков, что говорит о его целостности, то в русской культуре мы наблюдаем совершенно иную картину. Начиная с Лермонтова, архетип родины в восприятии русского человека трансформируется, обретая трагическую раздвоенность, лишь усилившуюся в поэзии XX в. И единственной оставшейся нерушимой духовной ценностью, единственной непоруганной святыней, единственным прибежищем в этом разрушающемся мире для человека XX в. становится слово. Своеобразным эпитафием ко всему серебряному веку может служить четверостишие Анны Ахматовой:

**Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор - к смерти все готово.
Всего прочнее на земле - печаль
И долговечней - царственное слово.**

Тема слова как самой большой ценности звучит в стихотворении И. Бунина "Слово":

**Молчат гробницы, мумии и кости.
Лишь слову жизнь дана...**

**...И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья
Наш дар бессмертный - речь.**

О роли слова пишет Н. Гумилев в одноименном стихотворении. Слово у Гумилева предстает уже как самое мощное созидательное и вместе с тем разрушительное начало. Его власть над людьми непререкаема. Но все это в прошлом:

**Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог
И в евангелие от Иоанна
Сказано, что слово это бог.**

В современном мире слово утратило свою власть над людьми, "и как пчелы в улье опустелом, дурно пахнут мертвые слова".

Жизнь человека в творчестве Заболоцкого проходит в молчанье, словно он смирился с утратой слова, осознав всю тщету усилий выразить себя, оказать влияние на ход событий:

**Догорает, светясь терпеливо,
Наша жизнь в заповедном краю,
И встречаем мы здесь молчаливо
Неизбежную участь свою.**

(Старая сказка)

Словно утративший свой последний оплот, он обреченно замолкает. И потому мир человека в поэзии Заболоцкого предстает еще более хрупким и незащищенным, а человек еще более беззащитным и уязвимым. Особенно отчетливо понимаешь это, когда читаешь описание счастливых

¹⁴ "Семиотика и искусствометрия". М., 1972, с. 28.

дней жизни героя в Египте. Поэтические образы, назначение которых убедить нас в надежной защищенности героя, поражают своей хрупкостью. Утверждая эту идею, они в то же время включают в себя и опровержение ее, ее отрицание.

Таков мир добра в стихотворении Заболоцкого. Он хрупок, нежен, мал, залит "неясным светом".

С представлениями о красоте и добре связаны и понятия неопределенности и зыбкости. С ними мы встречаемся в стихотворении "Сентябрь", в котором поэт рисует портрет девушки, используя эти атрибуты представления о красоте:

**Нарисуй, словно деревце, зыбкую
Молодую царевну в венце
С беспокойно скользящей улыбкою
На заплаканном юном лице.**

Те же определения красоты и в стихотворении "Портрет". Но здесь уже знакомый нам образ разворачивается на глубине, и если в стихотворении "Сентябрь" передается впечатление от внешнего облика девушки, то здесь понятие изменчивости заложено в поэтическом образе "души изменчивой приметы". Потому из всего облика изображенной на портрете женщины его внимание привлекают глаза - "зеркало души":

**Ее глаза - как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза - как два обмана,
Покрытых мглою неудач.**

**Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.**

В этом описании сливаются взаимоисключающие начала: радость и скорбь, восторг и страх, нежность и смертные муки. Образ строится на основе оксиморона. И в этом выразился присущий поэту способ видеть мир в слиянии разных начал: света и тьмы, добра и зла. В завершающей стихотворение строфе, как бы подводя итог сказанному, поэт утверждает свой идеал прекрасного, в основе которого сложное единство противоположностей:

**Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Ее прекрасные глаза.**

Характерным для понимания эстетики Заболоцкого является глагол "мерцать", означающий "слабо светиться колеблющимся светом" (С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1988). Частотность его употребления Заболоцким достаточно велика. Встречаем мы его и в стихотворении "Некрасивая девочка". Беспокойные раздумья о будущей судьбе своей героини поэт завершает здесь строками, в которых, задавшись вопросом, что есть красота, он дает по существу ее формулу:

**...что есть красота
И почему ее обожествляют люди?**

**Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?**

В рассматриваемых стихотворениях мы находим ответ на этот вопрос в образе красоты, мерцающей во мраке из сокровенных глубин бытия. В нем много драматизма, ибо свет, который сопутствует ему, с трудом пробивается сквозь мглу и туман, как, например, луч в стихотворении "Сентябрь":

**Но взгляни: сквозь отверстие облака,
Как сквозь арку из каменных плит,
В это царство тумана и морока
Первый луч, пробиваясь, летит.**

Победа света над тьмой очевидна, но это трудная победа.

Однако красота в творчестве Заболоцкого порой предстает ликующей, в победном сиянии, и мир тогда заливают яркий свет, льющийся с неба, как, например, в стихотворении "О красоте человеческих лиц". Озаглавленное как научный трактат, оно представляет собой миниатюрное исследование, в котором дается поэтическое изложение ответа на вопрос: "что есть красота?"

Сравнивая человеческие лица с разными постройками, Заболоцкий устанавливает пять типов: "подобные пышным порталам" и жалким лачугам, холодные, "словно темница", и сравнимые с башнями, "в которых давно никто не живет и не смотрит в окно", и, наконец, пятый тип, с которым поэт связывает свое представление о подлинной человеческой красоте:

**Но малую хижинку знал я когда-то,
Была неказиста она, небогата,
Зато из окошка ее на меня
Струилось дыханье весеннего дня!
Поистине мир и велик и чудесен!
Есть лица - подобья ликующих песен.
Из этих, как солнце, сияющих нот
Составлена песня небесных высот.**

Это стихотворение во многом отличается от других, написанных на тему красоты. Во-первых, здесь человеческие лица уподобляются постройкам, и, таким образом, из ряда характерных признаков исчезают понятия зыбкости и неясности. И свет, который неизменно присутствует в образе красоты у Заболоцкого, подобен солнечному. Новыми являются и эпитеты ("ликующих", "сияющих").

Анализ образов неясного света, зыбкой красоты в стихотворениях "Сентябрь", "Портрет", "Старая сказка" в сопоставлении с анализом образа прекрасного мира в стихотворении "О красоте человеческих лиц" убеждает нас в неуклонном стремлении поэта к утверждению идеала мира и человека понятиями из категории возвышенного.

В стихотворении "Бегство в Египет" идеал человека достигает своей предельной высоты. Обозначенный словом "ангел", он заявлен в самом начале стихотворения. Однако на протяжении всего стихотворения этот образ претерпевает трансформацию, демонстрируя все богатство своего содержания. Явившийся в сознании больного как видение ангела-хранителя, он вновь возникает в образе сфинкса. И далее появляется вместе с духами и детьми ("духи, ангелы и дети"), услаждающими героя игрой на свирелях. Здесь ангелы предстают перед читателем как воплощение духовности и душевной чистоты. И это характерно для Заболоцкого, никогда не

забывавшего об этическом начале. Наконец, в последний, четвертый, раз он оживает в эпитете "ангельский". Герой, очнувшись от страшного видения Иудеи, возвращается к реальности, и первое, что он видит, это ангельский взор любимой, освещенной светом лампы. Здесь мы вновь встречаемся с образом света, создаваемым словами "лампа", "огонь", "светился".

**Вскрикнул я и пробудился...
И у лампы близ огня
Взор твой ангельский светился,
Устремленный на меня.**

Другим важным компонентом мира добра у Заболоцкого является звук, будь то игра на свирелях, или плач ("Сентябрь", "Портрет"), или же "песня небесных высот" ("О красоте человеческих лиц"). Слияние света и музыки встречается и в стихотворении "Отдыхающие крестьяне", в котором образ созвездий, льющих таинственный свет на землю, тревожит души простых крестьян, и сливается с образом органной музыки, "звучащей на вершинах Зодиака".

Нетрудно убедиться в том, что характеристики мира добра и света совпадают с основными признаками прекрасного человека, о которых говорилось выше в связи со стихотворениями "Портрет", "Сентябрь" и др.

Образ ангела соприроден миру добра и света. И дело здесь не столько в том, что он воплощает представление о нравственном начале, сколько в том, что ангел сотворен как бы из того же вещества, что и мир добра, из тех же начал - света и звука, а по определению Я. Бёме, "святая душа человека и дух ангела имеют единую сущность и существо", "образ ангелов и людей один и тот же"¹⁵.

В стихотворении "Слепой" (1946) Заболоцкий вопрошает:

**Как найти мне слова
Для возвышенной песни живой?**

Воплощения образов ангела и света дают основание утверждать, что поэту удалось найти слова "для возвышенной песни живой", выразить свое представление о мире, утвердить идеал человека. Вывод, к которому подводит нас поэт: ангельское есть истинно человеческое.

Подобная интерпретация образа ангела, который в классической поэзии противопоставлялся человеку и выступал в роли соглядатая и судьи, свидетельствует о новаторском отношении Заболоцкого к традиции. Лишенный религиозно-мистического содержания, он не противопоставлен миру людей, не отрешен от него, а помещен в самую гущу человеческого существования. Он не прилетает к человеку в качестве посланника Бога, а пребывает среди людей, добровольно покинув горние высоты, чтобы разделить с человеком горечь его участи, осуществляя тем самым служение в миру.

Будучи последним поэтом серебряного века, Заболоцкий создал поэзию, давшую новую жизнь образам классической поэзии, во многом опередив и определив направление русской поэзии XX века. Одно из подтверждений тому мы находим в стихотворении Владимира Соколова, написанном в 1988 году:

**Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.**

¹⁵ Я. Бёме. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. М., 1990, с.60,62.

**И не надо мне прав человека.
Я давно уже не человек.**

**Я давно уже ангел, наверно,
Потому что, печалью томим,
Не прошу, чтоб меня легковерно
От земли, что так выглядит скверно,
Шестикрылый унес серафим.**

Публицистическая заостренность звучания стихотворения, характерная для поэзии конца XX века, откровенность автопризнания, его обжигающая прямота придают образу ангела окончательную завершенность, большую, чем у Заболоцкого, определенность. Как будто поиски слова для выражения идеи о приоритете этического начала в человеке над всеми иными завершается, поскольку наконец найдена формула, где в сжатом виде подведен итог. Отныне ангел - это тот, кто добровольно избирает страдание, чтобы разделить человеческую участь, не покинуть человека в минуту отчаяния и тоски.

Образ идеальной личности, которую символизирует ангел, проецируется на мир, и та часть его, на которую падает ее свет, становится миром добра, миром, где царит гармония. Таким образом, Заболоцкий решает и проблему гармонии мира.

Կ. Մ. ՄԻՒԹԱՐԹԱՆ - Մարդը ն. Չաբոյոցկու ու շրջանի քերթվածներում. - Հոդվածի հեղինակը, վերլուծելով Ն. Չաբոյոցկու 1940 - 50 - ական թվականների բանաստեղծությունները, հանգում է այն եզրակացության, որ նրա այդ շրջանի բանաստեղծություններում մարդու իդեալը հասնում է սահմանային բարձրության և խորհրդանշվում է հրեշտակի կերպարով: Չաբոյոցկու քնարերգության մեջ մարդու կոնցեպցիան ձևավորվում է նրա ամբողջ ստեղծագործության ընթացքում: Այն արտացոլում է յուրաքանչյուր շրջանի հիմնական առանձնահատկությունները: Դրա համաձայն վաղ շրջանի բանաստեղծությունների հերոսը կարող է կոչվել ֆիզիոլոգիական մարդ, նրա մեջ գերակշռում է պրիմիտիվ նախասկիզբը: Հաջորդ շրջանի հերոսը մտածում և գիտակցում է համաշխարհային խնդիրների և մարդու ունեցած դերի մասին: Վերջապես, քննված ստեղծագործությունների հերոսը բարոյական մարդն է, բարձր բարոյական գիտակցության կրողը և համամարդկային այնպիսի արժեքներ, ինչպիսիք են բարին, սերը և հոգեկան մաքրությունը, նրա համար ամեն ինչից բարձր է: